

КОНЦЕПТ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Д. Г. Садовский

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dsadovsky99@gmail.com*

Работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме воздействия пандемии COVID-19 на государственные и надгосударственные институты. Автор исследует состояние Европейского союза (ЕС) на этапе разворачивающейся пандемии, анализируя актуальность концепта европейской интеграции в создавшихся условиях. Рассматриваются дезорганизационные тренды функционирования объединения и взаимодействия его членов, характеризующие период до распространения пандемии. Выделяются тенденции, проявившиеся непосредственно на этапе противодействия COVID-19 в процессе принятия индивидуальных и коллективных мер, их согласования. В результате делается вывод о степени устойчивости ЕС с учетом выявленных обстоятельств, а также об актуальности оптимистических евроинтеграционных и евроскептических взглядов. Научная новизна работы проявляется в рассмотрении коронавируса и его последствий как индикатора латентных состояний.

Ключевые слова: Европейский союз; евроинтеграция; коронавирус; COVID-19; децентрализация.

EUROINTEGRATION CONCEPT IN THE CONDITIONS OF COVID-19 PANDEMIC

D. G. Sadovsky

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The work is devoted to the current issue of the impact of the COVID-19 pandemic on state and supranational entities. The author examines the state of the European Union (EU) at the present stage, analyzing the relevance of the concept of European integration. The disorganization trends in the functioning of the association and the interaction of its members, which characterize the period before the spread of the pandemic, are considered. The trends that manifested themselves directly at the stage of counteracting COVID-19 in the process of taking individual and collective measures and their coordination are highlighted. As a result, a conclusion is made about the degree of stability of the EU, taking into account the identified circumstances, as well as the relevance of optimistic European integration and Eurosceptic views. The scientific novelty of the work is manifested in the consideration of the coronavirus and its consequences as an indicator of latent states.

Keywords: European Union; european integration; coronavirus; COVID-19; decentralization.

Развитые демократические государства, как правило, характеризуются сложной системой социального обеспечения и помощи населению. Право на здоровье, его охрану является признанным на международном

уровне стандартом прав человека, а здравоохранение представляет собой одну из наиболее серьезно финансируемых сфер государственной политики. Особую, исключительную актуальность вопросам охраны здоровья придает пандемия коронавирусной инфекции, которая является серьезным вызовом для всех субъектов мирового сообщества, будь то собственно государства, международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации или другие акторы. С одной стороны, заболевание напрямую угрожает жизни и здоровью граждан, а также реализации их прав. За 8 месяцев 2020 года от коронавируса пострадало более 16 млн человек, около 600 тыс. с летальным исходом [1]. С другой, как воздействие непосредственно коронавируса, так и последствия борьбы с ним оказывают серьезное воздействие на функционирование прочих сфер. К примеру, на производство товаров и услуг в государственных и частных секторах экономики. Карантин, спровоцировавший закрытие предприятий, вызвал скачкообразный рост увольнений. Так, в США уровень безработицы за 5 месяцев вырос примерно на 16,5% [1].

Подобные вызовы окружающей среды зачастую проявляют латентные особенности и состояния системы, незаметные или слабо заметные в условиях ее стабильности. Исходя из данной закономерности целесообразно будет рассмотреть состояние Европейского союза (ЕС) через призму взаимоотношений его членов и объединения в целом по вопросам противодействия коронавирусной угрозе.

В первую очередь необходимо описать то состояние, в котором ЕС как система находился до возникновения кризисной ситуации. В таком ключе можно говорить, что фоном для рассматриваемых процессов выступили устойчивые дезинтеграционные тенденции и определенная турбулентность.

Так, начиная с 2000-х гг., европейская интеграционная идея подвергалась проверке на прочность: расширение полномочий (Маастрихтский, Амстердамский, Ниццкий договоры) и территориального состава (приним новых членов из Центральной и Восточной Европы в 2004 г. и 2007 г.) требовали масштабной работы над разграничением и упорядочиванием компетенции, и ЕС как надгосударственного образования, и его членов [2, с. 18]. Урегулировать данный вопрос была призвана Конституция ЕС, предложенная на рассмотрение еще в 2004 г. Однако проект не был принят вследствие отрицательных результатов голосования на референдумах в ряде субъектов союза. Решить возникшие институциональные противоречия удалось лишь к 2007-2009 гг. в результате принятия и ра-

тификации Лиссабонского договора, заменявшего так и не вступившую в силу Конституцию. Тем не менее, данный вариант являлся вынужденной мерой и содержит серьезно урезанные положения.

В 2012-2013 гг. ЕС вновь входит в период нестабильности: Мировой экономический кризис, обусловивший необходимость экстренного вмешательства, вновь проявил проблемы, лежащие в основе европейской интеграционной политики, в особенности в той ее части, которая касается области финансов. Также в очередной раз затрагивается вопрос фактического неравенства государств-членов ЕС [3, с. 11].

Очередным периодом, свидетельствующим о спорных позициях европейской интеграции, стал миграционный кризис 2015 года. Многократное усиление потока легальных и нелегальных мигрантов, начало которому положила эскалация конфликта в Сирии, привело к новым разногласиям стран-членов ЕС относительно квот распределения беженцев [4, с. 12].

В 2020 году ЕС вновь столкнулся с испытанием своего формообразующего концепта – пандемией коронавируса COVID-19, ставшей вызовом для всего мира и проверкой на прочность целостности европейского конструкта.

В этот кризисный период реакция ЕС поначалу была запоздалой и хаотичной. Однако, в дальнейшем функционировании объединения можно выделить три основные области противодействия пандемии и ее последствиям: согласование и координация работы систем здравоохранения и смежных институтов, разблокирование трансграничного сообщения и организация совместной упорядоченной помощи. Развивала данные направления созданная с соответствующей целью Группа реагирования на коронавирус [5, с. 4].

В первую очередь необходимо рассмотреть собственно институциональную сторону вопроса, а именно факт распределения компетенции. Следует отметить, что ЕС как надгосударственная структура, исходя из Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), напрямую не осуществляет курирование вопросов здравоохранения. Эти полномочия полностью относятся к государствам-членам, что подразумевает некоторую тенденцию к децентрализации и саморегуляции: в соответствии со статьей 168 ДФЕС, Союз должен «уважать ответственность государств-членов за определение своей политики в области здравоохранения, в организации и предоставлении медицинских услуг и медицинского обслуживания» [6].

Далее рассмотрим те вопросы противодействия пандемии коронавируса, которые оказались наиболее проблемными для ЕС. Февраль 2020 года и распространение коронавирусного заражения на территорию Ев-

ропы страны-члены объединения встретили достаточно дезорганизованно. Первыми мерами, которые были предприняты большинством правительств, стали действия по закрытию границ и взаимной изоляции [7]. В данном случае наибольший интерес представляют два момента.

Во-первых, преимущественно односторонний характер действий государств при незначительном взаимодействии с другими членами Союза. Так, например, в Польше запретили въезд вплоть до транзитных перевозок, в том числе и для других участников европейской интеграции, что ввиду несогласованности и бескомпромиссности породило ряд существенных логистических проблем [8, с. 143].

Во-вторых, сама по себе идея ограничения передвижения внутри Шенгенской зоны как символа европейской интеграции является показателем тенденции к децентрализации, учитывая, что концепт свободы перемещения по ЕС был одним из центральных, закладываемых в основу объединения наряду с экономическим. Таким образом одна из базовых «четырех свобод» («свобода перемещения товаров, услуг, людей и капиталов») была ограничена [9, с. 126].

Продлилось подобное положение дел достаточно долгое время: только лишь в октябре 2020 года члены ЕС смогли согласовать рабочую систему передвижения внутри объединения, создав единый паттерн классификации уровня заражения и медицинской ситуации на своей территории.

Показательным в ситуации с действиями ЕС в условиях пандемии является пример Италии. В феврале 2020 г. страна обратилась за помощью к иным государствам-членам объединения с просьбой оказания помощи вплоть до запуска механизма гражданской защиты на уровне всего объединения. Однако, игнорируя подобные запросы, члены ЕС усиленно готовились к собственным назревающим кризисам. Так, соседние государства без согласования и официального заявления физически закрыли границы со страной и практически полностью прекратили сообщение [10, с 2]. Лишь спустя почти месяц Германия, будучи одной из главных экономик объединения, озаботилась оказанием материальной, транспортной помощи и привлечением в определенной мере своих человеческих ресурсов для содействия Италии.

На этом фоне подобными пострадавшими государствами велся поиск партнеров за пределами ЕС. Показательным является пример Китая, который оказывал активную помощь в подобных случаях. Так, например, уже упомянутая Италия, и без того в последние годы наращивающая темпы сотрудничества, установила еще более тесные связи с КНР. Степень сложившегося сотрудничества наглядно отражает тот факт, что улицы Рима и Милана, наряду с итальянскими правоохранителями, патрулировали китайские полицейские [8, с. 145].

На сходной почве борьбы с пандемией произошло и некоторое сближение с Россией. Примечательно, что в данном случае в очередной раз проявляется факт политизации разработки и распространения вакцины от заболевания: Еврокомиссия немедленно ответила угрозой административных санкций на излишний интерес Венгрии к закупке российского Спутника V [9, с. 129].

Также ярким примером децентрализации и регионализации в рамках ЕС является отношение государств-членов к противодействию пандемии и ее последствиям на позднем этапе, связанному по большей части с экономическими и финансовыми вопросами. Вследствие более ранних этапов (главным образом т.н. первой волны коронавируса) произошло своеобразное разделение на страны, перенесшие вызовы пандемии успешно, и тех, кто пострадал от событий в большей степени. В то время как первая группа своей главной задачей на данной стадии считала преодоление сопутствующего пандемии экономического спада и избегала ухудшения своего положения дополнительными расходами, в том числе и на помощь соседям, вторая группа вынуждена была просить о содействия в преодолении рецессии, с которой сама справиться не могла. Так, например, страны второй группы запрашивали в рамках предоставления помощи субсидии, а не займы, в то время как представители первой не желали превращения пандемии в повод для объединения европейского долга [10, с. 3].

Также в качестве примера можно привести бюджет ЕС на 2021-2027 гг., который содержал масштабный пакет экономической помощи (1,8 трлн евро, сгруппированных в разного рода выплаты, компенсации и кредиты). Процесс голосования осложнялся конфликтом интересов государств разных групп, и в итоге проект бюджета не был принят ввиду блокировки его рядом стран (для принятия подобных актов необходимо единогласие всех членов ЕС). В результате подобной коллизии на повестку дня вставал такой несвойственный объединению вопрос, как принятие документа без участия основных несогласных сторон [9, с. 129].

Таким образом, на разных этапах кампании по борьбе с коронавирусом в процессе осуществления различных мероприятий наблюдаются сходные особенности. К ним можно отнести, во-первых, фактический приоритет национальных интересов государств-членов над интересами ЕС как надгосударственного образования. Во-вторых, характерной чертой большинства действий и событий является дезорганизованность и несогласованность, хаотичность поведения акторов в рамках взаимодействия. В-третьих, можно отметить возросшую самостоятельность и активность государств-членов как отдельных субъектов и в рамках ЕС.

Несмотря на оптимистичные идеологемы евроинтеграционной платформы о совместной победе над коронавирусом и дискурс о начале конца ЕС, транслируемый евроскептиками, следует отметить следующий момент.

Тенденции, характерные для текущей ситуации, хотя и являются центробежными, но отнюдь не новы для объединения. Более того, факт разных степени и темпов развития стран-учредителей ЕС и пришедших позднее в результате расширений государств также является известным, а проявления его детально описанными. При этом, такое положение дел сохраняется уже достаточно длительное время, чтобы утверждать о том, что система европейской интеграции находится в состоянии перманентной стабильной нестабильности. Так, говорить об окончательном и бесповоротном упадке ЕС представляется несколько преждевременным.

Однако, нельзя отрицать и тот факт, что пандемия коронавируса дала толчок к развитию национального правительства и национального государства в рамках системы, ориентированной на приоритет наднациональных и международных институтов.

Библиографические ссылки

1. Policy paper: Budget 2020 // Government Digital Service [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/budget-2020-documents/budget-2020>. Date of access: 21.01.2022.
2. Макейчик, Ю. Н. Поиск путей выхода из конституционного кризиса Европейского союза / Ю. Н. Макейчик // Вестн. Бел. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 19-22.
3. Сумраков, В. Н. Европейская интеграция: испытание кризисом / В. Н. Сумраков // Эконом. Науки. 2012. № 12. С. 185-191.
4. Гасанов, Р. М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения / Р. М. Гасанов // Актуальн. проблемы совр. Междунар. отн. 2016. № 7. С. 11-21.
5. Коронавирус: что может сделать Европейский союз / Л.О. Бабынина // Москва : Инст. Европы Рос. Академ. Науки, 2020. 8 с.
6. Consolidated version of the Treaty on European Union // EUR-Lex: Access to European Union law [Electronic resource]. 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>. Date of access: 23.01.2022.
7. Политика Европы в отношении пандемии: как вирус изменил мировоззрение // РИНЦ [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropa-virus-mirovozzrenie/>. Дата обращения: 23.01.2022.
8. Матвеев, М. А. Политический процесс в Европейском союзе в период пандемии коронавируса / М. А. Матвеев // Каз. вестн. Молодых ученых. 2020. № 4. С. 141-149.
9. Гузенкова, Т. С., Пименова, Е. В. COVID-19 как фактор интеграционной политики ЕС / Т. С. Гузенкова, Е. В. Пименова // Своб. Мысль. 2021. № 6. С. 123-136.
10. Арзаманова, Т. В. Первые уроки первой пандемии XXI столетия / Т.В. Арзаманова // Европ. безоп.: события, оценки, прогнозы. 2020. № 62. С. 2-12.